

КЕРРИГАН БЕРН

Опасное
увлечение

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kerrigan Byrne

THE HUNTER

Перевод с английского *Е.А. Мордашева, А.Л. Уткина*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Берн, Керриган.

Б51 Опасное увлечение : [роман] / Керриган Берн ; [пер. с англ.]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-104008-6

Красавица Милли Ли Кер — восходящая звезда европейской театральной сцены — с первого взгляда заметила среди зрителей эффектного незнакомца, не отрывавшего от нее глаз, и играла в тот вечер лишь для него одного.

Бедная молодая женщина и представить не могла, что человек, так поразивший ее воображение, — высокооплачиваемый наемный убийца Кристофер Арджент, получивший от таинственного нанимателя заказ на ее смерть.

Однако выросший среди воров и убийц Кристофер вдруг понял, что не может поднять руку на доверчивую Милли, пробудившую в нем давно забытые чувства. Более того, из жестокого охотника он готов обернуться бесстрашным защитником прекрасной актрисы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104008-6

© Kerrigan Byrne, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Пролог

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1855 год

Это была настоящая пытка.

Мышцы Кристофера Арджента непроизвольно сводило. Мешаясь с морозящим дождем, капли пота, стекая, саднили тело, как впившийся гнус. Все на свете готов он был отдать за то, чтобы их вычесать. Зубы сжимались так, что заныла челюсть, но Кристофер, опасаясь последствий, старался казаться расслабленным.

Косясь на своего шифу*, он в точности повторял его жесты, отчаянно силясь не отставать. Или, вернее, не опережать замедленного темпа плавных движений, преподаваемых ему мастером Ву Пином с необычайной отчетливостью.

— Знаешь, мой мальчик, почему мы занимаемся «Сиу Лим Гао»** под дождем? — спросил мастер на своем ломаном английском, не нарушая ни ритма, ни четкости движений. С начала сегодняшней тренировки он впервые обратился к Кристоферу.

Кристоферу непросто было говорить и одновременно правильно выполнять упражнения, такой сосредоточенности требовал их причудливый рисунок. Но он сделал героическое усилие.

---

* По-китайски буквально означает «учитель-наставник», передающий ученику секреты боевого искусства. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Название комплекса базовых движений рук в стиле Вин-Чунь Кунг-Фу, буквально переводится как «форма маленькой идеи».

— Я наказан, — осмелился предположить он, — за то, что побил Джона и Гарри...

— И?

Надеясь сбросить бремя стыда, Кристофер глубоко вздохнул, но замер, и ему пришлось взять себя в руки и сосредоточиться, чтобы снова следовать ритму своего шифу.

— И Хью, — прошептал он.

Мастер Пин промолчал на вдохе, снова приводя к груди выброшенное вперед ребро ладони для защиты.

— Мальчик, я — твой шифу. Как это слово будет на твоём языке?

Кристофер знал.

— Учитель.

Ву Пин коротко кивнул в знак одобрения.

— Не мне тебя наказывать. Я учу...

Казалось, молчание затянулось на целую вечность, пока они выполняли требующие точности и соблюдения чистоты линий физические упражнения. Занимался Кристофер уже почти два года. Теперь, в одиннадцать лет, он почти дорос до взявшего его под крыло учителя.

— Сегодня, мой мальчик, я научу тебя быть как вода.

Мастер Пин всегда называл его «мальчик».

Глядя на серый влажный булыжник внутреннего двора Ньюгейтской тюрьмы, Кристофер слушал внимательно. О воде старик ему уже рассказывал, но тогда он, честно говоря, пропустил сказанное мимо ушей. Сейчас не прислушаться было просто невозможно — насквозь промокшему с ног до головы в упомянутой субстанции мальчику, дрожащему, страдающему и истощенному, наставление врезалось в память невольно.

— Вода податлива и текуча, — начал Пин, — мягка и принимает форму сосуда, всегда находя путь наименьшего сопротивления. Поддерживает жизнь. Ее легко перенаправить в другое русло на благое дело. Понимаешь?

— Да, шифу.

На самом деле, не совсем, но знал, что мастер Пин сумеет объяснить.

— Но в тоже время вода смертельно опасна, — продолжил мастер Пин. — Ее сила крушит даже камень. Она

затопляет. Топит. Слепо сметает все на своем пути. Безжалостно. *Беспощадно.*

Старик остановился и повернулся к Кристоферу, с облегчением опустившему дрожащие руки. Он стоял и смотрел на маленького китайца, вспомнив, как однажды ему пришлось в голову, что мастер Пин напоминает сосиску, круглую, согнутую и обтянутую жесткой кожей. Но вместе с тем этот маленький, вежливый чужестранец был самым опасным, смертоносным узником Ньюгейтской тюрьмы.

— Каковы пять возможных решений конфликта? — спросил Пин.

Кристофер порылся в памяти.

— Уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс и сила.

Пин еще пять раз коротко кивнул.

— Заметь, кулаки и сила годятся только в одном из пяти случаев. Знаешь почему?

Кристофер опустил взгляд на грязные камни двора, следя за темным ручьем нечистот, стекавшим в канализацию.

— Потому что я не должен драться, — пробормотал он.

— *Неверно*, — отрезал Пин, но рукой нежно приподнял лицо Кристофера за подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. — Потому что кунг-фу, которому я учу, — не для драки. Оно для убийства. И если тебе, защищая себя или друга, не надо убивать, ты не должен его применять.

Челюсти Кристофера сжались не от холода и напряжения, это вскипел в груди знакомый жар. Он не мог сдержать блеснувший в его глазах дерзкий вызов.

— Вы не слышали тех гадостей, которые они говорили о моей матери.

— Они говорили правду? — спросил Пин.

— Нет.

— Тогда почему это тебя задевает? — пожал плечами шифу.

Задевало по многим причинам, но сформулировать их Кристофер не мог, а потому промолчал и залился краской.

Взгляд черных глаз Пина смягчился, а в их уголках появились морщинки, словно он вот-вот улыбнется.

— Ты уже очень любишь воду, но твои эмоции слишком глубоки. Слишком сильны. Как в океане. Ты должен научиться обуздывать такие чувства, как гнев, ненависть, страх... — и невиданным дотоле дружеским жестом Пин положил на плечо Кристофера руку. — *Любовь.*

— Что? — выдохнул Кристофер.

— Перенаправить их в другое русло, как крестьянин реку для орошения полей. Превратить их в терпение, логику, безжалостность и силу. Только тогда из твоих рук сокрушающей силой бурного паводка потечет смерть.

Учитель Пин отвернулся от него, принял стойку, твердо упершись ногами в камни мостовой, и раскрытой ладонью ударил в стену Ньюгейтской тюрьмы. От удара раскрошился кирпич, а по стене пошли трещины.

Кристофер раззявил рот, и дождь полился в него.

— Как вы это сделали?

Пин подмигнул.

— Я покажу тебе завтра. Если ты бьешь не в цель, а сквозь нее, то сила передается дальше и цель рассыпается.

— Вы можете показать мне сейчас? — с надеждой спросил Кристофер.

Пин покачал головой.

— Твоя мать захочет, чтобы ты вернулся в камеру. Скоро ужин.

— Как вы...

Часы пробили поздний час, и Кристофер резко повернул голову к сторожевой башне. Казалось, даже в такие бессолнечные дни загадочный старик всегда знал, сколько времени. Обернувшись к мастеру Пину, Кристофер увидел, что стоит во дворе один.

Дрожа больше от возбуждения, чем от холода, Кристофер сквозь дождь пробрался под ржавой решеткой в коридор, прозванный ньюгейтскими заключенными Тропой Мертвеца. И прежде чем постучаться в железную дверь между мужским и женским отделением, он, заглянув в ходы тюремных катакомб, поприветствовал нескольких знакомых.

— А это кто тут еще? — прогремел из-за прутьев решетки над головой голос с сильным шотландским акцентом,

6 и перед его глазами появилось круглое лицо юного

Юэна Мактавиша. — Ну, малыш, тебе просто повезло, что ты вернулся до смены караула. Обнаружь тебя Тредуэлл по ту сторону двери, ты куковал бы всю чертову ночь во дворе.

Кристофер в этих стенах родился. Об ужасах Ньюгейта после наступления темноты он знал куда лучше Мактавиша. Его колыбельной было лязганье цепей, крики и стоны больных и шарканье ног осужденных по длинному зарешеченному коридору, откуда уже не возвращались. Иногда его мать плакала о тех, кто шел на виселицу, но не Кристофер. Смерть заключенного часто означала новую обувь или пояс.

Проржавевшая железная дверь пронзительно проскрипела по каменному полу, когда Мактавиш отворил ее настолько, чтобы этот худышка смог проскользнуть, и тотчас снова закрыл, набросил засов.

— Мама всегда посылает меня погулять в день доставки.

Кристофер прыгал с одной босой ноги на другую, пытаясь согреться. Мактавиш ему нравился, и когда ему нечего было делать, он ходил за толстым темноволосым охранником.

Ярко-голубые глаза Мактавиша были в тон его нарядному темно-синему мундиру. И когда он кивнул, в них читалось сочувствие.

— Да, парень. Я знаю.

— Охранники, когда привозят дрова для камина или консервы, не слишком рады меня видеть. Да и мама говорит, что я мешаю.

Мактавиш оглядел сырой зал с железными решетками.

— Сейчас все кончено, — пробормотал он, как бы отвечая не Кристоферу, а своим мыслям. — Почему бы тебе не вернуться к матери? К ужину?

С нетерпением предвкушая наслаждение погреться у камина, Кристофер, прижимаясь к стене, прошел один зал и оказался в следующем, когда мимо прошествовали два охранника, один из которых застегивал ремень. Здесь, в Ньюгейте, было немаловажно знать, кого из охранников заключенному лучше избегать.

Насчет Тредуэлла Мактавиш был прав. Большой золотушный идиот столько раз за эти годы заковывал его в наручники, толкал и лупил так часто, что Кристофер сбился со счета.

— Суку следует научить благодарности, — пробормотал Тредуэлл своему спутнику, когда они проходили мимо. — Мне надо дать с ней поиграть настоящим подонкам. Тогда она будет умолять меня о пощаде.

— Мы могли бы кинуть веснушчатого ублюдка этим скотам, заставить его смотреть, как они рвут друг друга, — предложил другой.

Прячущийся в тени Кристофер закрыл щеки руками и провел по ним ладонями, словно пытаясь стереть унижительные веснушки.

— Сейчас мы ведем записи об этих юных кандальниках, — пробормотал Тредуэлл, употребляя прозвище, данное забытым беспризорникам, родившимся под стражей в тюремной системе. — Нам придется давать объяснения, почему он пропал... Кроме того, бесит меня не этот ублюдок, а его проклятая шлюха-мать.

От шока руки Кристофера оторвались от лица и упали на грудь. Он постоял в луже воды, натекшей с промокшей и облепившей тело одежды, свернул за угол зала и побежал в конец женского блока, который всю свою жизнь называл домом.

За решеткой, лишь отдаленно напомнимшей окно, блестела жаровня, а Кристина Арджент дрожавшими руками подбрасывала в огонь большое полено.

Несмотря на жуткий холод зимой и невыносимую жару летом, Кристофер и его мать считали везением, что единственное отверстие, дававшее приток воздуха в их крошечную камеру, не больше иллюминатора. Там, где даже в нежный весенний день разило гнилью, легкий ветерок был дороже золота.

— Мама? — на цыпочках войдя в открытую дверь, он опустился на колени рядом с ней, и его онемевшие конечности мгновенно почувствовали согревающее тепло пламени.

Утром она вымыла и заплела длинные кудрявые каштановые волосы, а сейчас они висели растрепанными локонами, скрывая от его взгляда опущенное лицо.

— О, голубок, это ты. — Радость в ее голосе казалась тусклой, она спрятала руки в копне волос и, резко их опустив, протерла глаза. Она попыталась встать, но

прежде чем он успел посмотреть на нее, отвернулась и уставилась на самодельный календарь, вбитый камнем на стене. — Я думала, ты с мистером Пином.

Стоя к нему спиной, она задрала потрепанный передник и вытерла им лицо.

— Он... мастер Пин, — тихо сказал Кристофер, глядя на жалкое пламя. На этот раз дров было не так много. Их едва хватит на неделю, а следующий привоз только через месяц.

— О да, — громко сказала она, скрывая всхлип. — Конечно, я знаю. — Истертым куском сланца она сделала пометку, означавшую, что миновал еще один месяц в Ньюгейтской тюрьме. Ее движения были резкими, почти болезненными. Знак, оставленный ею на стене на удивление неверной рукой, был глубже и шире других.

— Ты... — она прочистила горло, — ты хорошо провел время с мастером Пином?

— Да, — ответил он после осторожной паузы. — Мама, посмотри на меня.

Ее рука, сжимавшая сланец, упала, но Кристина даже не пошевелилась, чтобы повернуться к нему, натянув на плечи потертую серую шаль.

— Голубок, осталось сорок восемь месяцев, ты можешь в это поверить? — Его встревожила наигранная бравада в ее обычно ровном голосе. — Еще четыре года, и мы с тобой будем свободны. Свободны делать то, что нам нравится. Я буду работать швеей и сплету красивые кружева для прекрасных дам. Знаешь, я славилась качеством своих кружев.

— Я знаю, мам, — прошептал очень взволнованный Кристофер. Он слышал эти слова и раньше, но для него они мало что значили, поскольку он никогда в жизни не видел кружев, и ее рассказы казались ему бессмысленными. — Дай мне посмотреть на твое лицо.

— А ты поступишь учеником к ремесленнику. Может быть, мистер Докери все еще работает на верфях. У нас будут свои комнаты с дровяной плитой и камином с каменным очагом. Нам никогда не будет холодно.

Встав на ноги, Кристофер отошел от огня и приблизился к матери. Он хотел обнять ее за талию, но не решился, потому что был весь пропитан дождем и ей стало бы

холодно. Вместо этого он проскользнул между ней и стеной и поднял руку, чтобы убрать с ее лица волосы.

Все было не так плохо, как он ожидал. Нижняя губа рассечена, но не кровоточила.

Кристофер на секунду зажмурился. Ему было одиннадцать лет — достаточно взрослый, чтобы понимать, что эти раны причиняли ей боль. Это сотворили с ней охранники, пока его не было. Она им отдалась. И все только для того, чтобы он мог позволить себе крохи, которые они соизволили бросить ему.

Она была бледна, ее глаза — красны от слез, но она оставалась его матерью. Его высокой, красивой, отважной матерью. Женщиной, давшей ему все: от крепких костей, хороших зубов и волос цвета ржавчины старинных железных петель до последнего куска еды и улыбки, бывшей единственным украшением их серого мира.

В нем нарастала знакомая ненависть, и он оскалился.

— Мама, ты больше не должна их пускать, — прорычал он, — мне не нужен огонь.

Светлые глаза, такие же голубые, как и его собственные, быстро заморгали, когда она убрала мокрые волосы с его глаз.

— Конечно же, нужен, голубок, — напевно произнесла она. — Только посмотри на себя — мокрая ирландская крыса, которую едва не утопили. — Она схватила его сильными, ловкими руками и стала стягивать с его груди насквозь промокшую рубашку. — Подойди сюда и согрейся, а то недолго простудиться и помереть. Я схожу за банками с ужином.

Он заметил, что она слегка прихрамывала, и от злости и беспомощности у него застучали зубы. Но мать была упряма, а когда она в таком настроении, разговаривать с ней бесполезно.

Они молча ели мясо, глядя на огонь. Кристина была погружена в себя и рассеянна, Кристофер кипел от возмущения и шумно дышал.

Ву Пин не знал, о чем говорил. Не понимал. Как можно совладать с такой любовью? Как не ненавидеть людей, которые использовали его мать? Или не страшиться того, что они еще могут сотворить?

10 Эмоции унять невозможно.

Он скажет старому дураку при следующей встрече.

— Кристофер, — прошептала его мать, оторвав взгляд от раскаленного угольного пласта. Она редко называла его иначе, чем «голубком», любимым своим ласковым именем. — Кристофер, я хочу, чтобы ты знал: со мной все в порядке. И что все, что я делаю, я делаю потому, что этого заслуживаю, и потому, что ты заслуживаешь лучшего.

— Мам, ты, черт возьми, не заслуживаешь... Они не должны... только не ради меня. — Он не мог произнести этих слов, но его щеки горели от стыда.

— Следи за своим языком, — резко сказала она, но тут же смягчилась. — Сынок, ты не знаешь мира за пределами этих стен. Того, насколько он удивителен и прекрасен, красив и ужасен. Ты не знаешь, какова жизнь на самом деле. Никогда не видел настоящего заката и не ел свежей еды. — Ее глаза снова наполнились слезами. — И все из-за меня. Потому что я преступница.

— Это ерунда, — возразил он, но она перебила его.

— Голубок, ты когда-нибудь увидишь. Увидишь все, чего был лишен, и, может быть, возненавидишь меня за это.

— Я никогда тебя не возненавижу, — поклялся он, подбегая к ней, чтобы устроиться у нее под боком, а она накинула свою шаль на его обнаженные плечи.

— Надеюсь, сынок, — прижалась она щекой к его голове. — Но никто не знает, на что способен, пока...

— Пока что?

Тяжело вздохнув, она встала и потрогала его рубашку, висевшую на ржавом гвозде. В этой сырости жаром их скудного огня было невозможно ничего высушить. И хотя она протянула ему слегка подсохшую рубашку, когда он надел ее, кожу обжег холод.

— Голубок, пора спать.

Послышался громкий лязг закрываемых железных решеток, тяжелые двери захлопнулись, и в запертой на ночь тюрьме эхом разнеслась переключка охранников и крики заключенных. Подошла приземистая женщина с кислым лицом, пересчитала всех по головам и закрыла камеру, а затем Кристофер и его мать разошлись по своим маршрутам.

Кристофер с тоской вспоминал, как они с жадностью при-
никали друг к другу. Она обвивала его своим телом и пела ему
песни в надежде заглушить ужасные звуки ночи.

Теперь уже нет. С тех пор, как он начал засыпать и про-
сыпаться, ощущая странное жгучее удовольствие, сжимавшее
чресла и изливавшееся в брюки.

Тогда она, сдерживая задумчивую улыбку, стала спать от-
дельно, и, зардевшись, попыталась объяснить, что он превра-
тился в мужчину.

Кристофер мрачно подумал, что не хотел быть мужчиной.
Нет, если это значит превратиться в беспощадное животное,
навряд ли Тредуэлла или старого сморщенного дурака, такого,
как мастер Пин.

Он просто хотел, чтобы его обнимали.

И тут тихий дождик обернулся бурей. Гром встряхнул ста-
рые камни Ньюгейта, и молнии сквозь их крошечное окошко
отбрасывали грозные тени.

— Мы споем сегодня? — спросила его мать, и Кристофер
улыбнулся в темноте. Он втайне надеялся, что она спросит.
Буря его разозлила, а шумы Ньюгейта показались особенно
несносными.

— Что споем? — спросил он.

— Как насчет моей любимой ирландской мелодии?

Они запели.

Украдкой придите ко мне,
Сладкие грезы о смехе,
Свободе, покое весны.
Играй же улыбка на милых устах!
Спи! Отгоню я и ужас, и страх...

Страшный скрежет по каменному полу раздался у самого
уха Кристофера, вырвав его из теплого сна и сбросив на хо-
лодный пол. Он сел, моргая в темноте. На улице все еще бу-
шевала буря, и вспышка молнии осветила его спящую мать.
Над головой раздался гром. На мгновение он решил, что
его разбудил гром, но скрежет по камню был так на него не
похож, что он подумал только об одном — о тяжелой же-
лезной двери между мужским и женским отделением

В зале раздались низкие голоса. Мужские голоса. И шаги. Но не охранников. Тех он знал. Они ступали уверенно, громко стуча крепкими подошвами тяжелых ботинок.

Кристофер приложил ухо к полу. Шаги тихие. Ноги были голыми.

Когда новая вспышка молнии отбросила на стену угрожающие тени, его охватил страх. Но эти шаги не были иллюзией.

Они принадлежали мужчинам, вторгшимся в его камеру.

Это были не охранники, насколько он мог судить по тому краткому мигу, пока их видел. Даже для заключенных они были грязными. Страшными. Ухмыляющимися. Рычащими.

Кристофера грубо схватили и подняли чьи-то руки, и он сражался, как дикарь. От страха он позабыл все наставления мастера Пина. Он не мог понять, где пол. Не мог сжать кулак. Он просто был не в силах, как ни старался, справиться с мужчиной в три раза больше него.

— Кристофер! — крикнула мать в темноте. — Кристофер, беги!

Беспримерный парализующий ужас держал его в таком же плену, как гигант, навалившийся коленом на спину и вжимающий щеку в пол.

Тредуэлл осуществил свою вчерашнюю угрозу.

— Пожалуйста, не троньте сына! — просила его мать.

— Мы здесь не ради мальчика, — засмеялся один из них. — Но только пикни, и мы ему кишки выпустим. Ну, кто из нас будет первым?

Кристофер сражался, пока похититель не прижал его щекой почти к самым углям. Оранжевое сияние превратило все в пляску корчащихся теней. Бушующая гроза не заглушала стоны, стоны... Мать постанывала.

Он стал бояться молнии. Бояться увидеть в ее вспышке развратное насилие, творимое ими над единственным во всей вселенной дорогим ему существом. Слезы текли по грязному камню под ним. Скучный ужин подступал к горлу, грозя задушить его. Ему хотелось отвести взгляд. Хотелось исчезнуть. Хотелось умереть. Убить.

— Не смотри, голубок, — выдохнула мать.

Но он заставил себя смотреть. Наблюдать за тем, как они ее удерживали. Запомнить и зафиксировать в памяти мелькавшую в каждой новой вспышке света мутную хрюкающую усмешку на лице каждого подонка. Всех четверых.

В нем вскипела ярость, вызванная жаром, страхом и беспомощностью. В душе разразилась та же гроза, что бушевала за окном.

Когда другой пришел на смену державшему его, а тот был готов воспользоваться своей очередью, Кристофер бросился, схватил скотину за горло и бил кулаком до тех пор, пока не свалил его.

Он смутно слышал слабый, хриплый крик матери, прежде чем боль взорвалась у него в голове и он, оглушенный, упал на пол.

Мир завертелся вокруг него с такой скоростью, что ему невольно захотелось вытянуть руку и за что-то уцепиться, чтобы его остановить. Тени вздымались и опалили, раздваивались, а затем растворялись в тумане. Раздался гром, или это был стук двери?

А потом громыхавшая над крышей гроза осталась единственным звуком, доносившимся до его избитой головы. Мама. Где мать? Жива ли она...

— Кристофер!

Титаническим усилием он повернул голову и увидел, как ее тень темнела с другой стороны быстро догорающих углей жаровни. Она ползла к нему на локтях, но, похоже, у нее не хватало сил обогнуть огненную яму.

От страха все кружилось у него перед глазами, и он собрал последние силы, чтобы подняться с пола.

— Мама, — прохрипел он, шатаясь, идя туда, где лежала она.

— Кристофер. — Ее голос чуть слышнее шепота усилил его ужас. — Тебе больно, сынок?

— Нет. Я в порядке. Мама, не двигайся. Я позову охранников. — Он встал над ней на колени, боясь к ней прикоснуться. Боясь куда-то положить руки.

— Там нож, Голубок, они... — она слегка задыхалась, как будто пытаясь отдышаться, — они тебя порезали?

Ее руки, обычно такие сильные, такие уверенные, робко ошупали его лицо, плечи и скользнули вниз по туловищу.

— Нож? — Он покачал головой, все еще пытаясь прийти в себя. — Они не порезали меня...

Под коленями он ощутил что-то теплое и липкое и внешне подумал, не ранен ли он. Но боли не было. Никаких порезов.

Новый прилив ужаса охватил его.

— Голубок, подбрось еще полено в огонь, так холодно.

Горячая жидкость поползла по его ноге, когда он поспешно достал два небольших полена и положил на угли. Прежде чем бревна загорелись, полыхнула молния, осветив самое мрачное зрелище всей этой наполненной ужасом ночи.

Кровь. Она растекалась от распростертого тела матери, подползая к каждой стене их крошечной камеры. Он закричал, призывая на помощь, вцепившись в решетку и изо всех сил прижимаясь лицом к двери. Звал кого угодно, все равно кого. Из темноты ответили женские голоса. Кто-то взволновано, кто-то рассержено.

Но никто не пришел.

Судорожно хватая ртом воздух, он обернулся к своей любимой матери, теперь освещенной золотым сиянием их жалкого огня.

— Мама. — Он опустился рядом с ней на колени там, где еще не было крови, и в свете пламени с ужасом наблюдал, как быстро подползал к нему край красной лужи. — Что делать? — простонал он, и у него все расплылось перед глазами от жарких слез. — Скажи мне, что делать.

— О, голубок, ничего... не поделаешь.

Из ее глаз полились слезы, но дотянуться до него она уже не могла. Она казалась испуганной, что усиливало его решимость. Он приник головой к ее груди, прижавшись к ней, словно если вцепится достаточно крепко, сможет ее удерживать.

— Не бросай меня, — умолял он, не стесняясь, совсем как маленький. — Прости, что стал драться. Прости. Я был зол. Я не знал о ноже. Не уходи. Прости!

— Спой мне колыбельную, голубок, — прошептала она. — Я больше тебя не вижу.